Агаркова Майя Константиновна

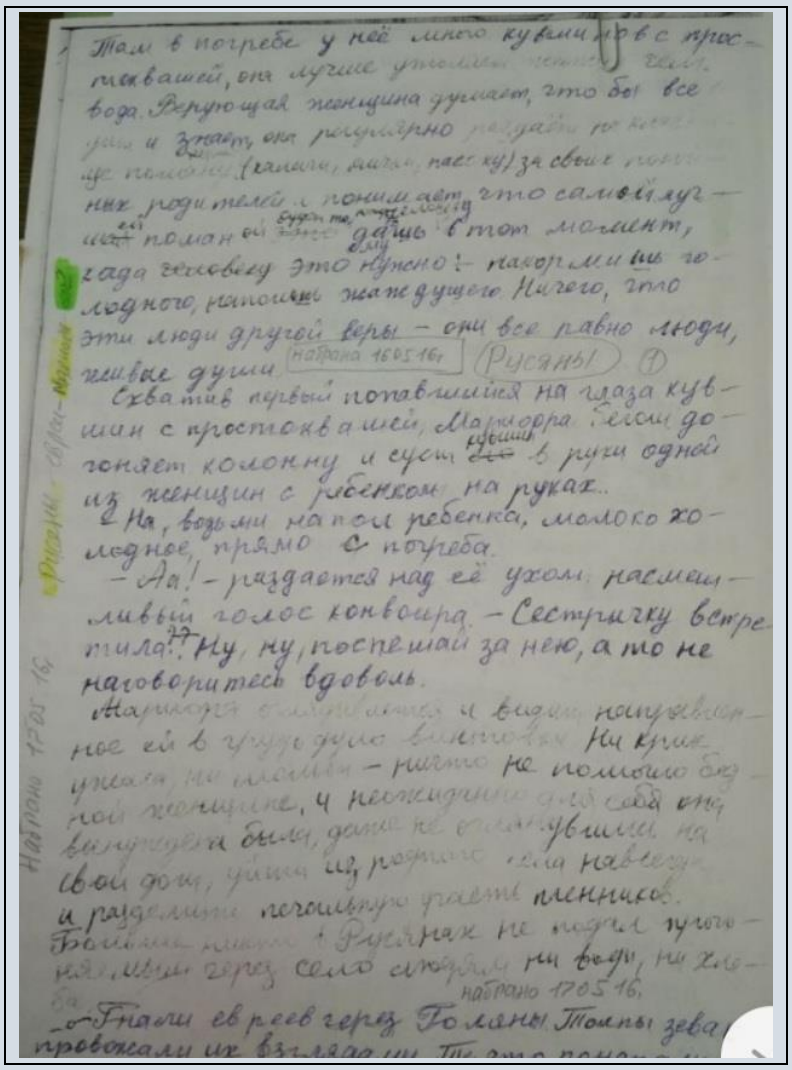
Воспоминания о Холокосте в Молдавии

Об авторе рукописей

Майя Константиновна родилась на Кубани 6 мая 1925 года. Когда началась Великая Отечественная война, ей было 16 лет. Окончив курсы медсестёр и приписав себе пару лет, Майя попала на фронт, где работала при штабе, носила почту, а также помогала раненым. Мужественная девушка прошла всю войну, но возвращаться на Кубань ей было некуда и не к кому – дом разбомбили, мать умерла ещё до войны. По воле случая или по совету своих попутчиц, возвращаясь после демобилизации, она вышла из поезда на станции Окница и осталась в Молдавии навсегда.

Сначала Майя Константиновна работала в Окницком военкомате, где её и нашёл фронтовой друг и будущий муж Агарков Иван Игнатьевич. Несколько лет молодая семья жила в селе Голяны, где Иван Игнатьевич был директором школы; затем они переехали в соседнее село Ружница. Майя Константиновна, окончив Бельцкий пединститут, преподавала в Ружницкой школе в начальных классах, а её муж был учителем математики.

Рассказы односельчан, переживших все ужасы немецко-румынской оккупации, глубоко потрясли молодую учительницу. Она начала вести дневник, в который записывала рассказы очевидцев о бесчисленных преступлениях нацистов. Обладая несомненным литературным даром, Майя Константиновна не стремилась создать художественное произведение – она сохранила в своих записях как реальные имена, так и своеобразную лексику, присущую многим сёлам севера Молдавии.


Там в погребе у неё много кувшинов с простоквашей, она лучше утолит жажду, чем вода. Верующая женщина думает, что бог все видит и знает, она регулярно подаёт по покойнике помощь (хлеб, масло, пасху) за своих покойных родителей и понимает, что самый луг — помощь дашь в тот момент, когда человеку это нужно: накормишь голодного, напоишь жаждущего. Ничего, что эти люди другой веры — они все равно люди, живые души. (Русаны)

Схватив первый попавшийся на глаза кувшин с простоквашей, Маргарита бегом догоняет колонну и сует кувшин в руки одной из женщин с ребенком на руках.

— На, возьми на пол ребенка, молоко холодное, прямо с погреба.

— Ах! — раздается над её ухом насмешливый голос конвоира. — Сестричку встретила? Ну, ну, поспешай за ней, а то не наговоритесь вдоволь.

Маргарита оглядывается и видит направленное ей в грудь дуло винтовки. Ни крик ужаса, ни мольбы — ничто не помогло бедной женщине, и неожиданно для себя она выпущена была, даже не оглядывшись на свой дом, уйдя из родного села навсегда и разделила печальную участь пленников. Больше никого в Русанах не подал пугающий, шли через село слёзы, ни воды, ни хлеба.

— Гнали ев реев через Голяны. Толпы зевак провожали их взглядами. Те, кто помнит...

Умерла Майя Константиновна Агаркова в 1985 году, оставив рукописи дочерям. А они в свою очередь передали их Борису Петровичу Лянка, который с трепетом относится к любым фактам, касающимся его малой Родины (Ружницы). Он постарался восстановить рукописи и сохранить для будущих поколений события и факты нашего не такого уж далёкого прошлого.

Нет! Об этом нельзя словами…
Тут надо рычать! Рыдать!..
Семь тысяч трупов. Семиты... Славяне...
Ров... Поэмой не скажешь о нем!
Да! Об этом нельзя словами.
Огнем! Только огнем!

И. Сельвинский

1. Семья Арехта (с. Голяны - начало войны)

Село Голяны – недалеко от румынской границы. Девочки-подростки пасут себе коров в поле, за околицей. В небе появился самолет, девочки обрадовались, закричали, побежали в ту сторону, куда он направился, да разве за ним угонишься. Но самолет не спешил улетать. Он снизился, словно собираясь сесть, сделал крюк над двумя смежными селами и вот опять приближается к девчонкам. Какая радость для детей: можно будет рассмотреть его как следует. Этим детям еще ни разу не доводилось видеть настоящий самолет. На картинках они видели самолеты с красными звездами на крыльях. Но это был другой самолет – с черными крестами.

Девочки уже знали, что началась война. Об этом говорили взрослые, но до детского сознания еще не дошел весь угрожающий смысл этого сообщения. Они наивно полагали, что их не будет касаться все то, что происходит в мире взрослых людей. Увидев самолет с крестами, дети еще не успели дать оценку происходящему, внимание их привлекло то, что оторвалось от самолета и полетело вниз, сверкая на солнце. Словно гигантская птица уронила сразу два яйца, которые летят не прямо вниз, а наискось вслед улетающему самолету. Хищная птица взмыла вверх над самыми головами ребятишек. В тот самый миг раздались два взрыва, и неведомая страшная сила бросила детей на землю.

– Аа! Аа!.. – закричали девчонки, опомнившись и вскочив на ноги. Маруся Арехта тоже хотела вскочить так же легко, как это сделали ее подруги, но резкая боль удержала ее в лежачем положении. Девочка глянула на свои ноги, пытаясь понять, что ей мешает встать и увидела только одну свою ногу; на месте другой у самого основания розовело свежее мясо с проступающей кровью. В одном месте кровь била фонтаном.

– Аа! Аа!.. – закричала обезумевшая от ужаса Маруся. Сбежались к ней подруги, каждая, стараясь перекричать других, спрашивала о том, что случилось с Марусей, куда девалась ее нога, но Маруся, словно не видя подруг, продолжала кричать на одной и той же самой высокой ноте, доступной ее голосочку.

Через некоторое время самообладание будто бы вернулось к девочке, и она произнесла единственное членораздельное слово «мама». Теперь она на пределе голосовых возможностей звала свою мать. Несколько ребят сорвалось с места и бросилось в село сообщить родителям Маруси о случившемся, остальные, кто был на лугу, окружили агонизирующую девочку плотным кольцом.

Прибежали родители, односельчане, подняли раненую на руки и осторожно понесли домой. Отец Маруси, Павел Петрович, а по-деревенски Павлушка, кинулся к фельдшеру, но того мобилизовали в армию, а другой еще не прибыл. Расстроенный отец прибежал в сельсовет за помощью. Зазвонил телефон. Председатель с/совета Бурденюк Михаил Васильевич, а по-деревенски просто Миша, поднял трубку. Тревожный голос военкома спрашивал, каково положение, все ли спокойно. Михаил Васильевич ответил, что пока все по-прежнему, только один самолет сбросил две бомбы, ранило ребенка. В дверях показалось бледное расстроенное лицо Павлушки, и Михаил Васильевич попросил в трубку прислать в Голяны поскорее фельдшера. Дальше разговор по телефону пошел о том, как идет организация народного ополчения. Михаил Васильевич сообщил, что в ополчение записалось уже более ста человек, но нет оружия. Военком приказал немедленно приступать к занятиям с ополченцами, а оружие сейчас же к ним отправляют. С этой же машиной прибудет в Голяны медработник.

Странный, необычный шум привлек внимание Михаила Васильевича. Повесив трубку, председатель вышел на крыльцо. По мосту через речку Чугур, отделяющую Голяны от Русян, мчалась группа мотоциклистов, стреляя на ходу. К сельсовету, запыхавшись, подбежала многодетная бедняжка полу-цыганка Ганя Погончик. Брызжа слюной, она закричала, увидев председателя, не успев к нему приблизиться.

–Немцы! Немцы! Коля Фандофан прискакал из-под леса, там тоже немцы. Тикайте, бо вонэ уже на мосту!

– Тетя Ганя! Бежите к моей Мане, скажите, чтоб принесла узелок с едой и пищей за село в колхозный подсолнух – только и сказал в ответ ей Михаил Васильевич и бросился через шоссе на край села.

По пути он посылал встречавшихся ему людей нарочными за коммунистами и активистами, которые вскоре все собрались там же за селом, в подсолнечнике.

Маня Мишова, т.е. Мария Георгиевна Бурденюк, только успела вернуться домой с края села, где она спешно попрощалась с уходящим за Днестр мужем, как во двор к ней пожаловали незваные гости: офицер и сержант с несколькими солдатами румынско-немецкой армии, сопровождаемые добровольцами проводниками из местного кулачества: «Где хозяин?»

– На работе. Утром ушел в сельсовет и еще не приходил, – словно не понимая в чем дело, спокойно ответила хозяйка, – да вы зайдите в хату – будете гостями.

Нижние чины с безмолвного согласия офицера окружили дом и занялись тщательным обследованием двора, сада, сараев. Офицер же пошел в дом по приглашению хозяйки. Войдя в прохладный полумрак комнаты, офицер перекрестился на икону, уютно пристроенную хозяйкой в восточном углу, над которой висела тюлевая занавесочка, а на самой иконе-вышитый рушник. Мария Георгиевна подала гостю холодного кваску охладиться с дальнего похода по жаре. Сержант успел обыскать двор, сараи, погреб, садик, слазил и на чердак, но никого там не обнаружил, о чем вскоре и доложил офицеру, и тут же спросил: «Что будем делать с нею?»

Мария Георгиевна стояла посреди избы с маленькой Сашей на руках… Охладившись прохладным квасом, офицер пришел в хорошее расположение духа. Указав на икону, он ответил, что не нужно трогать эту верующую женщину. Обратившись к хозяйке, он попросил ее сказать мужу, когда тот вернется, чтобы он сам зашел к румынским властям – может он будет с ними сотрудничать.

Михаил Васильевич вернулся домой только через 4 года. А Мария Георгиевна, проводив незваных гостей, в этот знойный день упала на колени перед иконой – благодарить бога за спасение.

Поняв, что происходит, Павлушка Арехта поспешил домой. Там стоял невообразимый шум: кричала тоненьким голосом раненная дочь, рыдала над нею мать, голосила впричет бабушка. Трехлетний Коля, не совсем понимая, но чуя беду, орал во все горло, оставленный без присмотра. Только один дед Петро молча метался по двору и дому, выполняя различные поручения старух-знахарок, пытавшихся всеми известными им средствами остановить кровь и успокоить пострадавшую. Но усилия женщин были тщетны, нужно срочно везти ребенка в Единцы, там есть хорошие врачи. Но мыслимо ли пускаться в дорогу навстречу наступающей армии неприятеля? Надо подождать хоть сутки, хоть до утра. Кто-то посоветовал Павлушке обратиться к румынским властям. Они ведь тоже прибыли для установления какого-то порядка.

И снова идет Павел в сельсовет, где теперь хозяйничают румыны. Но они прибыли сюда для приведения к повиновению местного населения, а отнюдь не для оказания ему какой-либо помощи. Медицинского работника с ними не оказалось. В ответ на просьбу Павлушки офицер ответил: «Скажи своей дочери, чтобы она не путалась под ногами у сражающихся, а то еще хуже будет. Что она коммунист? Комсомолец?»

– Нет, она еще маленькая. Она пасла коров, когда прилетел самолет и сбросил бомбу.

– Если маленькая, то пусть дома сидит, а не мешается, поделом ей.

Павлушка еще что-то хотел объяснить господину офицеру, который не понимает его и считает раненную девочку в чем-то виноватой, но услышав на все это короткое выразительное словечко «Фужь!», что означало «марш», «брысь» и тому подобное, поспешил не солоно хлебавши убраться восвояси.

Весь день и всю ночь двигались через Голяны немецкие и румынские войска. Как ни жутко было все происходящее, но среди крестьян все же находились смельчаки и оптимисты, которые выходили на дорогу поболтать с храбрыми румынскими вояками.

– «Ун те дучь?» – с наивным видом спрашивал бравого солдата черный, как жук, голянский мужичок Пуй Гитян по прозвищу Жуня.

– «Ла Москова!» – гордо отвечает аника-воин.

– Посмотрим-посмотрим с каким видом ты пойдешь назад, – уже по-русски вполголоса бормочет Жуня, а бравый солдат принимает его слова за одобрение и с гордой улыбкой бодро марширует на восток.

Всю ночь никто не спал в доме Павла Арехты. Под утро движение на дороге прекратилось. Павлушка запряг лошадей в лучший на селе фургон, постелили, уложили на подушки раненную Марусю. Рядом с нею села мать, осунувшаяся до неузнаваемости.

Трудная жизнь была у Марусиной матери. Взял ее Павлушка за красоту, но не для того, чтобы любоваться ею. На другой же день после свадьбы в спальню к молодым явилась свекровь – еще не старая, расторопная женщина и категорически заявила: «Хватит нежиться в постели – работа вас ждет». И впряглась Татьяна в работу. Лучше было бы ей не выходить в зажиточное хозяйство, но на то была не ее воля – родительская. Одна была радость - росла в семье девочка-помощница: и за братцем присмотрит, и скотинку попасет, напоит, накормит.

Рухнули все надежды матери…

С величайшей осторожностью экипаж двинулся в путь – в Единцы. Девочка уже не кричала, а только слабым голосом повизгивала. Она тоже ни на миг не сомкнула глаз, ей было страшно. Инстинктивно она чувствовала, что если уснет, то не проснется.

Рано рассветает летом, не так уж долго ехали 10 км –расстояние от села до города, но врача дома не оказалось: его арестовали, куда-то увели. Дом врача был разграблен, имущество растаскано. Растерянный мужичишка заметался по городу, стараясь узнать, где находится тот или другой врач, но в Единцах все врачи были евреями, а всех евреев, независимо от их положения в обществе, повыгоняли из домов и держат под арестом. Так ни с чем и подошел Павлуша к своему фургону. Девочка молча лежала неподвижно, утомившаяся мать задремала на солнышке. Павел легонько тронул жену за локоть, чуть слышно спросил: «Ну, как она?»

– Уснула, замучилась бедняжка, – был ответ. Отец осторожно склонился над девочкой, стараясь прикрыть ее от начинающего припекать солнца. И вдруг жена его увидела, что весь он затрясся, уронил голову на грудь дочери и зарыдал во весь голос.

Медленно, медленно едет фургон обратно из Единец. Лошади идут домой сами. Павел сидит, безвольно опустив руки с обнаженной поникшей головой. За его спиной склонилась над трупом ребенка молодая, но уже не похожая на себя, еще вчера самая красивая в деревне женщина… А навстречу им гремят подводами, перегоняя друг друга односельчане. Они узнали, что в Единцах повыгоняли из домов евреев и спешат поживиться их добром. Увидев Павла, крестьяне удивляются, как это он мог их опередить и с завистью глядят на фургон – что за добро он там везет. Поравнявшись с фургоном, разгоряченные азартом мужики молча опускают головы...

2. Мариора (с. Русяны - конвой с евреями)

Гнали евреев с Единец через Русяны. Измученные бессонной ночью голодные люди прошли уже десятки километров под палящими лучами летнего солнца. Женщины, дети просили пить, но конвоиры, не останавливаясь, гнали их мимо колодцев через село.

Крестьяне молча провожали глазами это печальное шествие. Женщины из колонны стали просить их вынести по кружке воды – напоить детишек. Мариора сорвалась с места, кинулась к себе во двор. Там, в погребе у нее много кувшинов с простоквашей, она лучше утоляет жажду, чем вода. Верующая женщина, она регулярно раздает на кладбище поману (калачи, яички, паску) за своих покойных

родителей и понимает, что самой лучшей поманой будет та, которую даешь человеку в тот момент, когда ему это нужно: накормишь голодного, напоишь жаждущего. Ничего, что эти люди другой веры – они все равно люди, живые души.

Схватив первый попавшийся на глаза кувшин с простоквашей, Мариора бегом догоняет колонну и сует кувшин в руки одной из женщин с ребенком на руках: «На, возьми, напои ребенка, молоко холодное, прямо с погреба».

– Аа! – раздается над ее ухом голос конвоира, – сестричку встретила? Ну, ну, поспешай за нею, а то не наговоритесь вдоволь.

Мариора оглядывается и видит направленное ей в грудь дуло винтовки. Ни крик ужаса, ни мольбы – ничто не помогло бедной женщине, и неожиданно для себя она вынуждена была, даже не оглянувшись на свой дом, уйти из родного села навсегда и разделить печальную участь пленников. Больше никто в Русянах не подал прогоняемым через село людям ни воды, ни хлеба.

3. Гуранда (с. Голяны - конвой с евреями)

С Русян гнали евреев через Голяны. Толпы зевак провожали их взглядами. Те, что понахальнее, выходили прямо на дорогу, повелительным жестом останавливали конвоиров, обращаясь к ним:

– Мэй, продай мне этого жида.

– А сколько дашь? – находился конвоир.

– Триста лей.

– Давай пятьсот и забирай.

Афанасий Гуранда, по прозвищу Хасий, с огромным, пористым как клубника носом, занимавшим большую часть его грубого лица, пошептавшись о чем-то с конвоиром, быстрым уверенным движением своих цепких лап потащил с плеч молодой беременной женщины дорогую персидскую шаль. Отец женщины, маленький, юркий, с острой бородкой старичок вступился за дочь.

– Мэй, Хасий, ты меня знаешь, не раз был в моем доме. Разве ты не видишь, в каком она положении? Может в эту шаль ей придется завернуть ребенка.

– Ты что очумел? В такую-то шаль ребенка?

Добавив к этим словам еще несколько нецензурных фраз, смысл которых заключался в том, что что ребенок тот недостоин этой шали, чтобы марать ее своими испражнениями, Хасий властным движением потянул шаль к себе.

Старик вцепился в нее, говоря, что противник возьмет шаль только переступив через его труп. Тогда Хасий, не выпуская из одной руки шаль, другой так саданул старика в грудь, что тот, потеряв равновесие, навзничь свалился у дороги, на лету нелепо взмахнув руками. Раздался выстрел. Это конвоир пришел на помощь Хасию и выстрелил в упор прямо в грудь лежащему старику. Дочь его выпустила из рук драгоценную шаль, кинулась было к старику, но, подталкиваемая конвоирами вынуждена была идти своей дорогой, если не хочешь лечь рядом со своим отцом.

Мужик, купивший человека за 300 лей, отвел его в тихую улочку и заявил: «Ты понимаешь, что я тебя купил и имею право убить тебя. Если не хочешь этого, отдавай сюда все, что у тебя есть». С этими словами он снял с этого человека часы, кольцо, обшарил все его карманы, раздел до нижнего белья и предложил убираться отсюда на все четыре стороны.

Дальше гнали евреев через Ружницу на станцию Редю-Маре.

4. Семья Купчинских (с. Ружница - конвой с евреями)

Видели люди, как они шли, утомленно ступая натруженными ногами по пыльной дороге, покорные жестокой судьбе. На выходе из села вдруг из колонны, изнуренных тяжелым переходом людей вырывается черноголовый, нескладный подросток лет 14-15 и, смешно размахивая своими длинными руками, мчится прочь по полю, засеянному довольно высоким подсолнечником. Это было так неожиданно, что конвоиры несколько секунд просто кричали ему вслед, только потом, опомнившись, пускают вдогонку несколько пуль, без уверенности в их попадании. А потом, догадавшись, что в суматохе могут разбежаться и другие, прекращают стрельбу и преследование.

Семья Купчинских жила в самом крайнем домишке под пирамидальными тополями. На второй день кто-то из соседей заметил, что Параска (хозяйка) что-то понесла на гумно к стогу соломы в кувшине и краюху хлеба под мышкой. На утро к домику Андрея Купчинского подошли незваные гости в составе примаря, бывшего учителя Браду Д.С. и несколько вооруженных кулаков. Вышел им навстречу хозяин – маленький, невзрачный рыжеватый мужичонка с неожиданно аккуратным, красивой формы небольшим носиком на грубом лице.

– А ну покажи, где ты жида скрываешь?!

– Нема у мэнэ никого.

– А кому твоя жинка молоко и хлеб носила?

– Таж у мэнэ там пэс превъязаный, – стоит Андрей навытяжку перед начальством, растерянно моргает своими синими, как небушко, глазами.

Знает ли он, что будет с ним, с чернобровой красавицей его женой и тремя детишками мал мала меньше? Старшенькая дочь Вера – так себе вышла – крупненькая в мать, а белобрысая в отца. Средний сыночек Вася – этот наоборот, мелкий, как отец, зато черный, как жучок, в мать. А самая младшая 3-хлетняя Ирушка вобрала в себя все самые лучшие черты отца и матери: белотелая, голубоглазая, изящная с кукольным личиком – в отца, чернобровая и темноволосая – в мать.

Вывели всю эту семью на середину двора палачи, а сами хозяйничают, рыщут по их двору, дому, саду, ищут другое человеческое дитя, нашедшее приют в этом доме. И от того, найдут это дитя или нет, зависит жизнь или смерть всего этого благополучного, небогатого семейства. Долго искали, перерыли всю солому, проткнули штыками, но так ничего и не нашли. Успел-таки скрыться до рассвета парнишка. Оставили в покое тогда Купчинских.

Пытливые советские ребята нередко задавали взрослым вопрос о том, за что фашисты уничтожали евреев, откуда такая лютая ненависть, ведь большинство из евреев мещански настроены и ничего общего не имели с большевизмом. «Они их бога распяли на кресте», – отвечают некоторые. Но было это давно и неправда, просто еврейская народность, распыленная мелкими группами по всему свету, испокон веков занимались ремеслами, торговлей и была беззащитна перед силой оружия. Эти люди всегда и везде были чужими. Часто их обижали представители разных наций, но все-же терпели их существование из-за той выгоды, которую приносили им хорошо приспособленные к жизни чужаки. Фашисты точно рассчитали, что за этих людей никто не станет заступаться и поставили их в первую очередь на пути массового уничтожения, освобождения «жизненного пространства» для избранной арийской расы. Этот расчет их подтвердился, когда они безнаказанно поголовно уничтожили все еврейское население Западной Европы. Каждый в мире капитализма дрожит за свою шкуру и совершенно равнодушен к несчастьям постороннего, живя по принципу «Моя хата с краю… Черт с тобой, если мне хорошо». Но на одной шестой части земного шара уже 24 года существует новый строй жизни. Он воспитал таких людей, которые не могут спать спокойно, если где-то льется кровь, если кого-то обижают. Эти люди храбро сражались и умирали за свободу испанских трудящихся. Они считают всех обиженных и угнетенных своими братьями.

Армия этих новых бескорыстных самоотверженных заступников, оглушенных внезапным нападением, отошла под мощными ударами вероломных бандитов. Придет время, она соберется с силами и даст решительный отпор фашистам. Но это будет не скоро, потом, а сейчас распоясавшиеся убийцы безнаказанно совершают свои черные дела, а робкие людишки тихо отсиживаются по укромным местечкам, спасая свою шкуру.

5. Москалюк С.А. (с. Ружница)

Москалюк С.А. учился в Сороках, в совпартшколе. В первые дни войны в силу сложившейся обстановки всех курсантов досрочно выпустили и направили по домам, откуда каждый должен быть мобилизован в армию. С транспортом тогда было трудновато: поездом нужно было делать несколько пересадок, автобусы не ходили, добирались крестьяне оттуда на подводах и пешком каждый к своему дому.

Молодой, здоровый, сильный С.А. не раз ходил пешком домой и обратно –это не составляло для него никакого труда. Идет он себе проселочными дорогами среди колосящихся хлебов и цветущих трав, громко насвистывая бодрые советские мелодии. На груди его поблескивают значки: ГТО, ОСОВИАХИМ и другие. Неторопливо проплывают в голове туманные мысли о будущем – ничего страшного или ужасного не предвидит молодой человек, он спокоен и уверен в себе. Впереди показался идущий навстречу старик. С.А. знает, что тот вышел из молдавского села, и поэтому здоровается с ним по-молдавски.

– Куда идешь? – участливо интересуется старик.

С.А. привык к тому, что у крестьян есть обычай без особой надобности, так, из вежливости, спросить, куда ты идешь. Иной раз станешь отвечать, а тот, что спросил, идет себе дальше и не слушает – не все ли ему равно, куда ты идешь. Ответив для проформы: «Акасэ», – молодой человек зашагал было своей дорогой, но тут он заметил, что старик хочет с ним поговорить и подходит вплотную. Коснувшись своей почерневшей жилистой рукой его груди, старик тихонько проговорил: «Ты снял бы эти штучки от греха подальше, а то в селе у нас другая власть, как бы к тебе не придрались»

С.А. бойко отмахнулся от старика, но через минуту одумался, сел под кустик, поснимал с гуди значки, достал из кармана документы, связал все в носовой платок и зарыл под кустом. Лежащее на пути село он обошел стороной, и никто его не остановил. За селом он снова вышел на дорогу зашагал по направлению к дому. Вскоре он увидел движущуюся ему навстречу автомашину, полную вооруженных

людей. Узнав по мундирам, что это не советские воины, С.А. оробел и в нерешительности остановился. Сидящие в кузове солдаты поняли, что застали врасплох путника, что он готов сию же минуту пуститься от них на утек. Они только что расправились с очередной партией евреев в одной деревне и пришло им в голову, что это один из тех, кто подлежал расстрелу и скрылся.

– Ятэ жидан! Ятэ! – закричали несколько голосов, и шофер направил машину прямо на С.А.

– Кручере! – закричал кто-то в машине, уверенный в том, что если это еврей, то не будет креститься, и тогда можно будет с ним расправиться. Машина остановилась, солдаты направили дула винтовок на изумленного С.А.

– Я не еврей, – пробормотал он побелевшими губами.

– Крестись, – хором повторило несколько голосов.

С.А. понял, что от него требуется, и широко, размашисто начал креститься. Машина тронулась и ушла прочь, а перепуганный человечишко все стоял у дороги и продолжал креститься.

Вслед за первой шла другая такая же машина. Солдатам в кузове понравилось, что их появление встречают крестным знамением. Возомнив себя освободителями, они стали бросать человеку по дороге свои подарки: пачки сигарет, печенье, шоколад – а он все стоял и крестился до тех пор, пока не проехали все машины. Дома его встретила весть о том, что за ним уже наведывались. Бывший учитель местной школы, теперь назначенный румынами примарем, приходил с вооруженной стражей и требовал у отца: «покажи, где «твой политрук». Пришлось С.А. прятаться до тех пор, пока не прошла волна репрессий.

6. Яворский Я.С. (Окница - расстрел евреев)

Ян Сигизмундович Яворский всю жизнь проработал простым рабочим на железной дороге. У него выросла большая семья, были уже женатые сыновья, замужние дочери, внуки. Будучи грамотным, в годы румынской оккупации он жадно ловил доходившие иногда через границу вести о Советской России, об успехах социалистического строительства в ней. Получив такие сведения от верных людей, Ян Сигизмундович делился ими со своими товарищами по работе. А когда пришла в Бессарабию Советская власть, он частенько, надев очки, читал вслух в обеденный перерыв перед рабочими наиболее интересные для него статьи из газет, комментируя их по своему пониманию. Был это культурный сознательный рабочий. Такими же воспитал и своих сыновей, которые стали первыми активистами. Петр Иванович был избран председателем сельсовета.

Уйти за Днестр никто из Яворских не успел: дети, семья, хозяйство и наивная вера в то, что если они никому ничего дурного не сделали, то их и не за что карать. Как только оккупанты заняли Окницу, в тот же день арестовали всех активистов. Яворские с группой других товарищей были помещены на втором этаже небольшого дома, занимаемого раньше каким-то учреждением. Ночью узники не могли уснуть в непривычной обстановке (на голом полу) с мыслями о том, что им сулит наступление нового дня. Хорошо зная дом, сыновья Яворских решили организовать побег – они догадывались, что с ними церемониться не станут. Окно в их импровизированной камере было без железной решетки, и ребята решили, что можно его бесшумно открыть. Под окном часового не было: он охранял вход. Спускаться решили по связанным вместе рубашкам. Сыновья сообщили план побега отцу и предложили ему бежать с ними вместе, обещая помочь при спуске. Но отец отказался: во-первых, бежать небольшой группой легче, чем большой, во-вторых, он – старик и не сможет также ловко спускаться и убегать, как они – молодые, из-за него они замешкаются какую-нибудь лишнюю секунду, которая может оказаться роковой. Сыновьям нужно бежать: им могут предъявить более серьезные обвинения, а у них дети, на кого они останутся, если их казнят? А он – старик, умирать ему не страшно, потому что жизнь и так уже прожита, да и не убьют его, не за что убивать, никакой вины за собой он не чувствует, никому он не причинил зла. Сыновья бежали. Ян Сигизмундович остался. А утром, без суда и следствия вывели его в числе других таких же как он, отвели подальше от Окницы и расстреляли под Сокирянским лесом.

7. Ткач В.А. (с. Ружница – история семьи)

Ткач Василий в 1940 году окончил в Бельцах в педучилище. На протяжении всех трёх лет обучения он жил на квартире в еврейской семье, небогатой, но сравнительно более культурной, чем его родная семья. Хорошенькая дочь хозяев училась вместе с ним в том же училище. Естественно, молодым людям было о чем поговорить. Василию нравилась эта, непохожая на деревенскую, необыкновенно красивая изящная девушка, слепленная, как говорится, совершенно из другого, чем он, теста. Хана прекрасно говорила по-румынски и по-русски, интересовалась острыми вопросами политики и казалась на целую голову выше своего сверстника в культурном отношении. Но, с другой стороны, она прекрасно понимала, что принадлежит к униженной, всегда и всеми гонимой нации и не думала проявлять какого-либо особого интереса к живущему у них на квартире крепкому деревенскому пареньку. Национальная и религиозная рознь невидимой стеной разделяла этих молодых людей, не позволяя думать друг о друге.

28 июня 1940 года все изменилось, вся жизнь республики пошла совершенно по другому руслу. Невидимая стена, как мыльный пузырь, исчезла, и все поняли, что теперь все люди равны и свободны, что религия – это миф, что биологических признаков нации нет, что людей объединяет только общность языка и культуры, что создавать новую социалистическую культуру должны все народы сообща. И вот, в один прекрасный день, когда решался вопрос о том, куда ехать на работу по окончании училища, Хана и Вася глянули друг на друга совершенно другими глазами и поняли, что жить друг без друга не могут, что направление на работу нужно получать вместе. И то, что их родителям казалось какой-нибудь месяц назад немыслимым, недопустимым, теперь беспрепятственно претворилось в жизнь – сын крестьянина женился на еврейской девушке из города.

В селах и деревнях открылись новые советские школы, обучение стало вестись по-новому, старых учителей переучивали, молодые на лету перенимали новые методы, новую орфографию. Жизнь молдавской деревни забила ключом. Вместе со свежей струей новой жизни приехала на село чета молодых учителей по фамилии Ткач. Хана Исаковна для простоты и благозвучности теперь стала называться Анной Александровной, хотя ни от кого не собиралась скрывать своей еврейской национальности. Крестьяне, и особенно учащиеся полюбили хорошенькую, изящную молодую учительницу, так много знающую, что казалось приехавшую не из Бельц, а из самого центра советской культуры – Москвы. К весне движения Анны Александровны стали более медлительны, сама она изменилась в лице, посерьезнела и фигурой стала солидней. Коллеги-учителя прекрасно понимали ее интересное положение, но от учащихся это хотелось скрыть, и поэтому молодая женщина стала набрасывать на плечи шаль и одеваться во все просторное. К концу учебного года она взяла декретный отпуск и подальше от пытливых глаз любимых учеников поспешила уехать в город.

Василий остался в деревне, но вся душа его была там, в городе, и он спешил поскорее закончить все свои дела и уехать туда, где вскоре решится серьезный вопрос его семьи: сын будет у них или дочь, и как все это перенесет молодая мать. С таким настроением застала его война. Не успел Василий закончить все дела, получить отпускные и уехать к семье, как деревню захватили фашисты. Тут уж было не до поездки в город. На другой же день по приходу фашистов к власти в той деревне, на квартиру к Василию заявились военные, арестовали его и повели вместе со всеми еврейскими семьями на расстрел. Унижаться, объясняться, показывать документы Василий не стал – это унизило бы его человеческое достоинство, а когда он понял, какая ему грозит опасность, было уже поздно: никто никого не слушал.

Идя на расстрел, Василий решил все же как-нибудь спастись. Он улучил момент между командой и залпом и ловко свалился на землю под ноги расстреливаемых. Сверху на него упало в разных позах несколько человек,

полилась кровь, обагрив его спину и голову. Лежа в куче мертвецов, Василий чутко прислушивался ко всему происходящему вокруг него, боясь дыханием привлечь к себе внимание палачей. Когда все были уже застрелены, солдаты обошли мертвецов, обшарили карманы, порылись в узелках, вырванных из рук у мертвых, брали только самое ценное, барахло бросали на месте. Если кто-нибудь из расстрелянных приходил в себя и стоном или движением невольно выдавал себя, к нему подходили вплотную и, не говоря ни слова, стреляли прямо в висок. Покончив с этими делами, фашисты уселись недалеко от груды трупов, закурили. Василий слышал тяжелое дыхание некоторых из них, посапывание папирос, но они ничего не говорили, стараясь поменьше шуметь, чтобы те, кто еще не умер, думали, что здесь никого нет. И вот раздается стон, заметно осторожное движение и снова шуршат осторожные шаги, затем выстрел и опять воцаряется тишина. Болят затекшие от неудобного положения ноги и руки, солнце печет, а мухи, мухи, неизвестно откуда взявшиеся в чистом поле, щекочут, залезая в уши, в нос, кусают, откладывают яйца в згустки своей и чужой крови, нестерпимо жалят. Но он лежит, не подает признаков жизни, не осмеливаясь двинуться или приоткрыть глаз. Мучительно долго, чуть ли не целую вечность, сидели солдаты перед грудой мертвецов и курили, потом, сказав несколько слов затопали, удаляясь куда-то. А он все лежит, не смеет подать признаков жизни, а солнце все жжет, а мухи все донимают… Может не все солдаты ушли, может кто-то из них притаился и ждет случая пустить ему пулю в лоб, нет уж лучше лежать и терпеть, чем мгновенно умереть.

Так и лежал Василий до тех пор, пока не спала жара, пока длинные тени от деревьев ближнего леса не легли на трупы, пока мухи не оставили его в покое. После этого он тихонько приоткрыл глаза – никого нет, осторожно переменил положение, чуть приподнял голову – кругом ни души. Нет, лучше еще полежать, а то вдруг кто-нибудь следит за ним из леса. И Василий еще долго лежит, пока не наступают сумерки. Теперь можно осторожно вылезти из-под спасших его мертвецов…

Через три дня его мать тихо возилась во дворе по хозяйству. Мысли о сыне не давали покоя, работа не ладилась, все валилось из рук, но нужно возиться хотя бы для того, чтоб никто ничего лишнего о ней не думал. Уже два раза приходили к ней – справлялись о сыне. В первый раз румынский офицер в сопровождении местных кулаков, а теперь представители новой власти, все из тех же кулаков. Тихо скрипнула калитка, вошла кума, живущая на самом краю села. Она не только крестила Василия, но и на его свадьбе играла роль посаженной матери. Увидев ее, мать молча побрела в избу: пусть никто не видит и не слышит, о чем будут говорить две женщины.

– Я сейчас уйду, а ты через часик незаметно приходи ко мне.

– А что у тебя?

– Смотри осторожней, у меня Вася…

Ушла кума, а матери действительно понадобился целый час для того, чтобы привести себя в порядок, собрать кое-какие вещички, сложить в корзину, накрыть травой под видом того, что несет корове корм, со спокойным видом выйти из дому и направиться не прямо к куме, а далеко в обход, чтобы не навлечь на себя подозрение.

Избушка кумы, как и обычно, стояла с настежь отворенными дверями. Вошла в нее мать без стука и тихо села на лавку. Хозяйка вышла во двор, чтобы встретить и задержать случайного посетителя, только тогда с печи, из-за занавесочки появился дико обросший сероватой щетиной с первого взгляда незнакомый матери человек, в котором она с трудом узнала осунувшегося, постаревшего и поседевшего своего сына.

Обмывшись, переодевшись, но не побрившись для маскировки, Василий в ту же ночь ушел, не зайдя даже в дом родителей, куда-то на восток, в неизвестность. Он держал путь к Днестру, избегая населенных пунктов, двигаясь больше по ночам. Через Днестр перебрался вплавь, рискуя утонуть в водоворотах или попасть в лапы фашистов на той стороне. Но этого не случилось, и он продолжал свой путь дальше, пока не добрался до тех мест, где не было фашистов.

Фронт двигался неравномерно, еще не установилась твердая линия, отделяющая оккупированную территорию от свободной. По дорогам шли и ехали мирные жители вперемежку с военными. Василий пристал к небольшой группе военнослужащих, потерявших свою часть. С ними и добрался до своих. Спали под открытым небом, питались кое-чем, подобранным в брошенных огородах. Незнакомые женщины кормили их иногда молоком, борщём украинским. Рассмотрели товарищи, что их бородатый спутник совсем еще молод, но не по годам седой. А когда он рассказал, что ушел от расстрела, стали особенно заботливо относиться к нему.

А Анна Александровна, не дождавшись мужа, вынуждена была без него отправиться в эвакуацию. Благополучно добралась она со своей партией до места назначения. Там у нее родился мальчик, которого мать пожелала назвать своеобразно Мартином; не понимая значения этого имени, все окружающие звали его просто Мартын. Ласкательно мать звала малыша Мартюшей. Под конец войны Василий отыскал в эвакуации свою семью и, демобилизовавшись, поехал прямо к ним, а уже после войны все вместе отправились в родные края.

8. Рива (с. Ружница - судьба еврейской девочки)

Рива проснулась в полночь. Мама тяжело и грузно навалилась на нее, не давая дышать. Тут же, рядом спал непробудным сном и отец. Необъяснимо чувствовалось присутствие многих других людей. Девочка, оттянув тяжелую неподатливую руку женщины, ловко выскользнула из-под нее и побежала в сени глотнуть холодной водицы. Отец всегда приносил на ночь свежей воды. Рива частенько спала вместе с родителями, иногда в жаркую пору лета она стелилась прямо на свежевымытом полу. Так должно было быть и сейчас, но мать никогда не была так бесчувственна во сне и не наваливалась на ребенка. Но Риве некогда размышлять об этом, кошмарный сон ее еще не кончился, в голове стучало, шумело, мешая соображать, губы пересохли потрескались. Девочка машинально сделала несколько быстрых шагов и остановилась, приходя в себя. Что такое? Она совсем не дома: длинные стебли колосящейся ржи, достигая ей до самой груди, путают ноги, мешают идти. Рива поняла, что находится далеко в поле среди высокой ржи, колосья которой щекочут ей руки; потревоженные в безветрии движением ребенка, тихо колышутся и слабо шелестят, распространяя легкий, едва уловимый аромат. Вокруг тихо, свежо и спокойно, рожь как будто еле внятно напевает свою вечную умиротворяющую песню: спи, спи, не надо просыпаться, здесь так хорошо, усни дитя навечно. И Риве захотелось бездумно повалиться в эту зеленую и мягкую постель и никогда не просыпаться, но ужасы только что минувшего сна тревожат ее сердце. Остановившись, девочка пытается понять, как она попала сюда, почему находится ночью одна вне дома. С нею никогда ничего подобного не случалось.

Летняя ночь была теплая, тихая, ясная, грудь с наслаждением вдыхала свежие полевые запахи растений, и сознание девочки постепенно прояснялось. Да, да, конечно, нездорова и поэтому туго соображает и многое не помнит. Рива огляделась. Окружающая местность была знакома. Она находилась на холме за селом Барладяны, расположенном внизу; неподалеку сплошной зубчатой стеной закрывал горизонт с северо-запада темный теперь лес. Сюда девочки бегали не раз погулять за цветами, грибами и зеленью. Да, да они собирались сходить сюда в прошедшее воскресенье, но как будто что-то помешало им совершить эту летнюю прогулку. Но если Рива находится под лесом, значит она все-таки пришла сюда, но почему-то не помнит этой прогулки. Ну, конечно, она не здорова. И девочка начала придумывать, как это все могло случиться. Значит они с подружками все же пошли в лес, нарвали цветов, набегались, устали. Она прилегла во ржи отдохнуть и заснула, а подружки ее потеряли. Да и немудрено затеряться в такой гущине. Девочки ушли, а Рива долго лежала на земле и, наверное, поэтому и заболела. У нее поднялась температура, вот почему она сейчас ничего не помнит. Родители, должно быть, беспокоятся, ищут ее, а она вот здесь. Крикнуть бы на все поле, авось кто-нибудь отзовется, а то трудно отыскать ее в высокой ржи. Но

кричать Рива не решилась, страшно показалось ей тревожить тишину ночи. И она продолжала соображать, медленно продвигаясь во ржи в направлении деревни.

Почему ей показалось, что мать и отец были рядом? То, что навалилось на нее спящую, было каким-то неживым предметом. Но что это было? Никак невозможно сообразить. Мать была всегда теплая, мягкая, нежная. А это было холодное, твердое, тяжелое, но Риве почему-то при пробуждении показалось, что это мать. Вернуться на то место, где она лежала, и посмотреть девочке тоже показалось страшно. Недавно минувший сон не давал покоя, видения его так явственно стояли перед глазами девочки, что казались происшедшими наяву и заслоняли в памяти все то, что было с Ривой на самом деле. Так по крайней мере думала она, когда медленно, в одиночестве брела среди ночи домой в свое родное село Ружницу через Барладяны.

Изо ржи она выбралась скоро. Нежные стебли высоких растений были кем-то жестоко измяты, истоптаны, словно стадо прогнали через это поле; во ржи была вытоптана широкая дорога и, это опять испугало девочку, напомнив ей что-то страшное, как будто тот сон был не сном, а явью. Дорога эта вывела на настоящую пыльную проселочную дорогу. И эта дорожная пыль опять почему-то пугала девочку, напоминая сон.

Кошмарный сон начался с самого вечера, когда Рива легла спать дома со своими родителями. Они о чем-то страшном шептались все громче и громче, отец останавливал мать, боясь, что девочка еще не заснула, но та, умолкнув на минуту, снова начинала горячо шептать какие-то ужасы, которые якобы грозят всем им. А потом наступило утро. Рива еще спала, когда в дом к ним бесцеремонно ворвались какие-то военные и гражданские злые люди. Они стали выгонять еще не собравшихся ее родителей из дому. Мать Ривы совсем растерялась, все время повторяла отцу: «Я же говорила, говорила…» А он всегда такой спокойный, уверенный, уважаемый людьми человек, еще недавно казавшийся всемогущим, съежился, поник и, робко поглядывая на пришельцев, тихо попросил Риву встать, одеться побыстрее и идти туда, куда велят.

Бесцеремонно подталкивая прикладами, военные вывели всю семью на улицу, там Рива увидела другие еврейские семьи, так же как и она ведомые под конвоем наверх, к школе. Ружницкая школа располагалась в бывшей помещичьей усадьбе, там были просторные погреба. Когда помещик Биберь сбежал от Советов за границу, погреба опустели и стояли без надобности. Теперь сюда сгоняли перепуганных людей, выгнанных из собственных домов. Томительно долго тянулось сидение в душном, сыром подземелье. Сюда согнали всех местных евреев с детьми и стариками. Сесть или лечь было совершенно не на что, и люди, когда их ноги уставали, опускались прямо на каменный, холодный пол.

Через несколько часов сюда же втолкнули никому незнакомую еврейскую семью из Черновиц. Эти люди ехали на собственных лошадях в Скаяны – к родственникам, надеясь в тихой деревне пересидеть тревожное время. Пожилой мужчина правил лошадьми, жена и беременная дочь их сидели сзади на вещах. Въезжая в Барладяны, путники не догадались спросить на краю, какая власть в деревне, а сразу под уклон влетели в самый центр к перекрестку. Отец притормозил лошадь и стал спрашивать крестьян какая дорога ведет в Скаяны.

На долине, т.е. в центре, было непривычно много народу: одни грабили еврейские лавочки, другие, менее решительные, стояли в стороне, глазея на необычное зрелище. Семка Фонарь, побывавший в Америке, после чего разбогател, выстроив на самом перекрестке себе хороший дом, открыл при нем лавку, став конкурентом еврея напротив. Сейчас он пробрался в лавку соседа первым и успел прихватить для себя наиболее ценное, а теперь занимался дележём дешевенькой мануфактуры. Он отмерял по 3 аршина ситцу и бросал в толпу на гладко протянутые руки женщин, стараясь наделить каждую, чтобы все были довольны и не придирались к нему.

В это время он заметил остановленную румынскими солдатами незнакомую бричку, бросив в толпу женщин размотанный тюк мануфактуры, он тотчас же ринулся на дорогу. Солдаты стаскивали старика с брички, тот упирался, просил, молил, ругался, грозил. Отчаянно кричали две женщины.

– Оамень бунь, луаць каий! – крикнул в собравшуюся толпу румынский сержант. Уверенным движением хозяина Семка принял от сержанта лошадей, взятых под уздцы и начал распрягать. Старик мигом соскочил с сидения и пытался помешать Семке выполнить свое намерение, женщинам он крикнул, чтобы они слезали с экипажа, но жену его уже стаскивали за руки, подталкивая в спину. Старуха слезла с брички и стала вместе с мужем подробно объяснять, кто они, куда едут, что дочь их на последнем месяце и ей необходимо поскорее добраться до места, чтобы роды не наступили в пути. Никто ничего не хотел слушать, а гнали и молодую женщину с брички, та упиралась и ни в какую не хотела подчиниться, отец с матерью самоотверженно ее защищали.

– Постойте, она сейчас мигом соскочит с брички, – злорадно объявил Семка. При этом он так хватил женщину бревном по пояснице, что та сразу застонала и полезла вниз. Всю семью под конвоем повели в школьный погреб, а вещи их растащили любители поживиться чужим добром.

Обо всем этом рассказала старуха другим узницам подземелья, а Рива так живо это представила, как будто видела сама. Молодая женщина не переставала стонать, стоны ее все усиливались и перешли в дикие крики. Женщины столпились над ней, заслонив от взглядов мужчин и детей, уступили самое лучшее место под окном и пытались оказать ей посильную помощь. Поздно ночью крики молодой женщины

как-то странно перешли в отчаянное и трогательно-нежное уканье ребенка. Женщины снимали с голов платки и пеленали на коленях это маленькое крикливое существо. Всю ночь никто не спал в этом подвале, а под утро утомленные и продрогшие люди повалились на каменные плиты, тесно прижавшись друг к другу и забылись тяжелым сном.

Вскоре дверь подземелья отворилась, впустив сюда сноп ярких солнечных лучей и струю свежего воздуха. Людям было приказано выходить. Во дворе школы всех выстроили в колонну и погнали вниз в Барладяны. Ласковое солнышко согревало лица и спины людей, и они невольно улыбались ему, начиная согреваться. Но вскоре это же самое солнце стало нещадно печь им в затылок, захотелось пить. Пыль поднимается множеством ног, першило в горле, затрудняя дыхание. Люди тревожно спрашивали друг друга, боясь обратиться к конвою, куда их ведут. Некоторые женщины пытались голосить, но благородные мужчины посоветовали им замолчать, дабы не раздражать и без того неласковых конвоиров. Из собравшихся на улицах толпы зевак доносились оскорбительные шутки в адрес несчастных. Ванька Л., известный на всю школу переросток и двоечник, вырвал из чьего-то забора штакетину вместе с гвоздями и стал крестить ею направо и налево идущих людей. Люди вскрикивали, охали, орали, брызгала кровь, а Ванька расходился все больше и больше, поощряемый хохотом единомышленников, пускавших издали в тех же людей камни. Всю эту нестройную колонну погнали вверх через Барладяны по направлению на Пояны. Следом откуда-то вышли и двигались по пятам отделение вооруженных солдат. Сердца людей сжимались, кровь отхлынула от лиц, которые даже на жаре стали мертвенно-бледными от ужасной догадки. Мужчины шепотом просили жен молчать и повиноваться: может быть, все обойдется. Там на холме, примерно в версте от деревни, всех людей из колонны стали загонять в рожь и выстраивать в ряд. Никаких инструментов им не дали, ни о какой работе не было и речи. Выстроившись быстро перед этой толпой онемевших от ужаса людей, солдаты взяли ружья наизготовку, раздалась команда, и от леса откликнулся несколько раз повторенный дружный залп…

В этот момент Рива проснулась, разбитая, оглушенная, больная и вот бредет по той самой дороге, которую видела во сне, боится всего и удивляется, как она очутилась здесь, и почему ее до сих пор никто не ищет. Вот и Барладянский перекресток дорог. Все село погрузилось в сон, значит уже давно ночь, ни одного огонька, никаких звуков. Окна и двери в домах знакомых Риве евреев распахнуты настежь, в них не белеют, как прежде занавесочки. Но девочка не хочет поддаваться страшной догадке, на миг мелькнувшей в ее голове, и думает, что ночью ничего этого не может быть: видно распахнуты двери и окна, потому что в помещении сейчас должно быть, очень жарко и душно. Крестьяне никогда не отворяют на ночь двери, а окошки в их избах даже не приспособлены для этого. Перейдя по мостику Чугур, Рива оказалась в Ружнице.

Скорей, скорей домой к отцу и матери под крышу, где так всегда спокойно и уютно, что все страхи моментально остаются позади. В домах соседей тоже распахнуты окна и двери, издали белеет родительский дом с длинным коридором и высоким крыльцом. Рива торопится, бежит в гору, задыхается, но почему ее никто не замечает? Неужели все так крепко спят? Почему мать, ожидающая ее с нетерпением, не выбегает навстречу, если отец направился на поиски? С криками: «Мама! Мама!» девочка бросается на родительское крыльцо.

В доме раздаются чьи-то шаги. Риве некогда размышлять о том, чьи они, она убеждена в том, что мать, но на пороге вырастает высокая, тонкая с сутулинкой фигура ее одноклассника Горуни А., паренька старше Ривы по возрасту, не отличившегося успехами в науках и примерным поведением, но державшего по отношению к ней прочный нейтралитет. Почему он ночью в нашем доме? Что он здесь делает? Где мама?

Горуня набрасывается на девочку с кулаками, пинками сшибает с ног и поверженную нещадно колотит ногами, обутыми в башмаки ее же отца. Она вскрикивает, падает на ступеньки, зовет на помощь родителей, чтобы они отогнали от нее этого хулигана, защитили ее. Но родители глухи, они ничего не знают, лежа там, под лесом во ржи, и Горуня безнаказанно истязает свою жертву неизвестно за что. Он силой выталкивает, прогоняет ее прочь из родительского дома, как будто он сам здесь хозяин.

Гишка Штефан и Визитив Кирилл в эти часы дежурили по деревне. Румынские войска, сделав свое грязное дело, ушли дальше, вслед за фронтом, наводить свой «новый порядок» в захваченных селах, а жители села по своей инициативе, решили вооружившись, охранять население по ночам от грабежей и насилий. Привлеченные криком Ривы и бранью Горуни, мужики приблизились к дому.

– А ну лишэ ии, – приказал Гишка, – шо вона туби зробэла?

Горуня огрызнулся было в ответ, но винтовки за плечами этих взрослых людей показались парню более убедительным доводом, чем их слова, и он, глухо ворча и огрызаясь, как собака, у которой кто-то отнял кость, удалился прочь.

Отогнав обидчика, мужики двинулись дальше по деревне, а Рива осталась одна. Страшные догадки о том, что у нее не было никакого сна, что все это произошло наяву, что разница во времени объясняется всего лишь глубоким обмороком, в котором, как в состоянии небытия, пробыла девочка до сих пор, холодным ужасом охватила все ее существо. Она исступленно гнала от себя эту догадку, отчаянными криками призывая на помощь родителей: «Мама! Папа! Отзовитесь, прийдите ко мне, развейте мои сомнения и страхи!» Но в доме было тихо, как в могиле. Не слышалось привычного тикания часов, страшно зияли черными провалами распахнутые окна без занавесок. И девочка смолкла, схваченная за сердце холодными клещами ужаса…

Говорили, что она лишилась рассудка. В последующие дни её видели бесцельно бродившую по дорогам с безумным взглядом прекрасных черных глаз, с распущенными и спутанными волнистыми волосами. Говорили также, что кто-то приютил девочку, случайно уцелевшую от расстрела. Может и было такое, но уже после войны квартиранты дома, принадлежавшего родителям Ривы, нашли на огороде за этим домом небольшой человеческий, должно быть, детский скелет.

Это все, что осталось от бедной, несчастной девочки…

9. Аня Шатурская (с. Барладяны – свидетель расстрела евреев)

На следующий день еще одна девочка лишилась рассудка. Это была Аня Шатурская, дочь бедного крестьянина, которая уже успела пройти в барладянской начальной школе 3 класса и 4-й коридор (по ее словам). Тетка Сарра говорила, что если Аня родилась в субботу, то она приходится ей, тетке Сарре, сродни, потому что празднует каждую субботу. Сарра сшила Ане хорошенькое платьице и уговаривала девочку переходить к ней жить вместо дочери. Но отец Ани, Шатурский Иван, узнав об этом, в сердцах чуть не изрубил новое платье дочери топором и заявил, что лучше собственноручно убьет свое детище, чем отдаст его на посмеяние иудеям. Тетка Сарра не слышала этих речей, но, должно быть догадалась о них по хмурому взгляду непроницаемых глаз отца девочки и, относясь к Ане по-прежнему хорошо, больше не заикалась о ее удочерении. Со временем платьице выцвело, протерлось на локтях, стало коротким. Мать Ани отпустила его, отрезала и подшила рукава, и стала девочка носить его ежедневно в поле, когда уходила пасти корову чтобы та вдоволь напаслась и принесла вечером достаточно молока.

– Знаю вас, вертихвосток, – отчитывал Аню отец, – соберетесь кучей, затеете игры, а коров тоже сгоните в кучу, и пусть себе стоят голодные на солнцепеке. Знала Аня, что нельзя ослушаться отца: он, как вездесущий дух, все видит и все знает. Однажды она загнала корову в пропавшую пшеницу кулака Бортняка. То была даже совсем не пшеница, а больше бурьян, только кое-где торчало по кустику. И решила девочка, что ей за это ничего не будет, а корова напасется вдоволь. Но отец, хотя был дома, все равно увидел ее на том участке и избил до полусмерти, жестоко и нещадно, как бьют нашкодившую кошку или собаку, не боясь переломать ей кости или убить совсем. После этого Аня точно выполняла все указания отца.

В то утро, как и всегда, она встала на рассвете сразу, не ожидая повторной побудки, наскоро умылась, протерла полотенцем заспанные глаза, выпила поданную матерью кружку парного молока с ломтем хлеба, взяла приготовленный

узелок с пищей: кусок хлеба или холодной мамалыги, луковицу, несколько зубков чеснока, кусочек сала, кусочки брынзы в тряпочке, вареное яйцо – это провизия на весь день. Похлопывая хворостинкой, погнала корову в гору, на холм. Подружки-сверстницы Ани, еще досматривали последний сон, а ее коровушка уже жадно захватывает своими теплыми, упругими губами свежую, росистую траву. Что произошло вчера, Аня не знала, потому что весь предыдущий день провела в обществе коровы, ни с кем из подруг не встречалась, а взрослые не считали нужным делиться с нею впечатлениями минувшего дня. Так, погоняя Буренку по обочине проселочной дороги, Аня дошла с ней до леса, там пустила без поводка и пасла до тех пор, пока бока животного не округлились.

Солнце было уже высоко, когда насытившаяся корова собралась улечься отдохнуть и пережевывать траву, туго набитую в желудок. Заметив это, Аня погнала Буренку в сторону одного из прудов, где из-под земли бьют чистые холодные источники. Напоив корову, девочка привязала ее на цепь, дабы она случайно не забрела куда-то, а сама развязала свой узелок и с аппетитом съела почти все припасенное на день, оставив только небольшой кусочек, потому что после купания уж очень хочется есть, а до вечера еще далеко. Наевшись и убедившись в том, что коровка жует, Аня отправилась было к самому пруду поискать местечко для приятного купания, долго бродила по берегу, отыскивая укромное местечко, срывая на ходу душистые цветы водяной лилии, уже хотела раздеться и погрузиться в прохладную мутноватую воду пруда, как внимание ее привлекли какие-то странные звуки.

Девочка прислушалась: где-то далеко за высокой и густой стеной сорго как будто душераздирающе мяукают котята. «Ишь как кричат, – подумала Аня – должно быть голодные со вчерашнего дня. И кто их занес из деревни в такую даль?». Девочка пошла по направлению этих звуков, по мере приближения они усиливались и как будто напоминали человеческие голоса. «Да, да, бывает иногда, что кошка, собака кричит человеческим голосом, – думала Аня, направляясь к высоким зарослям сорго, – А может это не котята, а щенята?».

Буйные заросли всей своей растительной силой тянущие соки земли и устремившиеся к солнцу преградили Ане путь, не давая пройти туда, к интересующим ее жалобным звукам живых существ, погибающим от голода и жажды. Девочка спешит на помощь, продирается сквозь заросли, но, обессилев, останавливается перед сплошной непроходимой стеной. Запыхавшаяся, усталая, отдышавшись немного, она возвращается обратно, решив, что надо выбрать более проходимое место, где растения стоят не так густо. И вновь начинается единоборство с природой, девочка рвется вперед, спешит на помощь, призываемая отчаянными криками. Вот уже виден просвет в сплошной стене зарослей, сейчас она выйдет в широкое поле, все увидит, узнает, спасет маленьких существ. Но почему она остановилась? Почему глаза у нее чуть не вышли из орбит и волосы на

нечесаной с субботы головке встали дыбом? В отчаянных звуках Аня явственно расслышала человеческие нотки и даже, как будто, обрывки каких-то слов. И в ужасе девочка бросается обратно.

Вернувшись на прежнее место и прислушавшись к этим звукам вновь, Аня решает, что она зря испугалась неизвестно чего, и любопытство толкает ее обратно сквозь заросли. Расхрабрившись, девочка решила: будь что будет, но она только посмотрит, что это такое, и, в случае чего, мигом спрячется. Пробравшись опять до самого конца зарослей, Аня останавливается, не стараясь вслушиваться в усиливающиеся звуки, она напряжением воли успокаивает себя, делает шаг, другой, и вот она уже вышла из зарослей и все увидела. Столбом стоит, как вкопанная, с остановившимся взглядом и вновь поднявшимися дыбом волосами на краю свежей могилы, где чуть присыпанные землей угадываются контуры человеческих тел. Вся могила ходит ходуном, мертвые тела подскакивают, подбрасывая вверх то руку, то ногу и откуда-то снизу, из-под земли доносятся эти отчаянные, жалобные, жаждущие жизни, зовущие на помощь человеческие, даже детские голоса. Девочка не могла понять, что кричат и прыгают не те мертвецы, которые лежат сверху, а живые, здоровые, погребенные под толстым слоем трупов люди, такие же, как она дети-подростки.

Сколько простояла она на краю этой страшной могилы, пока не опомнилась, Аня не знает. Она помнит только, что сорвалась с места и помчалась прочь, не разбирая дороги, и вскоре оказалась по пояс в водах пруда, куда влетела с разбегу. Постояв в холодной воде до тех пор, пока все ее тело не стал бить озноб, Аня выползла на берег и повалилась прямо на засохшую пыльную грязь. Когда озноб под действием жарких, солнечных лучей прошел, девочка поднялась на ноги и оглядела свое измазанное грязью платьице. Что делать? В таком виде нельзя показываться людям на глаза. И Аня раздевается, снова заходит по пояс в воду, тщательно выполаскивает от грязи платье, там же в воде одевается в мокрое, выходит из воды, берет корову и, забыв все угрозы отца не приходить домой, пока не закатится солнце за горизонт, направляется в село. Увидев дочь в таком растерянном виде, Шатурский Иван не стал ее бить, а только спросил, почему она так рано пригнала корову.

– Ой тато, тато! Шо я там видела!..

Аня получила тихое помешательство, с первого взгляда его трудно определить, только речи и поступки ее стали людям казаться странными. Сначала с ней перестали водиться подруги, а когда она подросла, то парни не проявляли к ней интереса, несмотря на незаурядную красоту ее лица и всей фигуры. Нашелся какой-то, женился, но потом, вдоволь поиздевавшись, бросил. Так и не узнала Аня человеческого счастья.

10. Семка Бордиян (с. Барладяны – свидетель расстрела евреев)

Семнадцатилетний Семка Бордиян с ватагой сверстников парней в погромах и издевательствах не участвовали, но проявляли ко всему, происходящему в селе, живейший интерес, подробно пересказывая друг другу все виденное и слышанное. Комсомольцами они по несознательности не были, но душой чувствовали правое дело советской власти, готовясь при случае разоблачить злодеев. Утром они узнали, что группа зажиточных мужиков добровольно вышла с лопатами закопать в поле трупы расстрелянных вчера евреев. Ребята не знали, где произошел расстрел, так как вчера их, привязавшихся было вслед колонне несчастных, так пуганули румынские солдаты винтовками, что они мигом очутились каждый у себя дома. Сегодня эти же самые ребята увязались следом за мужиками с лопатами на плечах. При выходе из села мужики посоветовали ребятам убираться по домам, пока целы, но хлопцы, поотстав немного, сошли с дороги и посевами стороной все равно пробрались к зарослям сорго, откуда, как из надежного убежища, наблюдали все происходящее.

Пришедшие похоронить трупы не сразу принялись за рытье ямы. Они тщательно осмотрели всех убитых, поснимали с них одежду, обувь, бусы, серьги, часы и другие предметы роскоши. У некоторых трупов выбивали золотые зубы, работали молча, спокойно, деловито. Каждый связывал доставшиеся ему трофеи в отдельный узел из платков убитых женщин. Румынские солдаты, боясь офицера, взяли совсем немного ценностей, оставив почти все на месте кровавого преступления. Они спешили дальше на восток, не обременяя себя тяжелой ношей. Покончив с осмотром и обдиранием трупов, мужики немного отдохнули и принялись за рытье ямы. Рыхлая, жирная земля с полутораметровым слоем чернозема легко поддавалась лопатам под энергичным нажимом мускулистых, кряжистых мужицких тел. Зная, что за эту работу им никто не заплатит, мужики не старались рыть слишком глубоко – лишь бы поместились в яму все эти тела, наложенные доверху.

Окончив рытье ямы, могильщики опять сели передохнуть каждый возле своего узла с награбленным, и тут один из них увидел высунувшуюся из высокой ржи голову знакомого всем еврея с Барладян по имени Идлек.

У этого человека было двое сыновей-подростков. Поняв, что всех их расстреляют, Идлек шепотом проинструктировал понятливых мальчиков, что в самый решительный момент ни секунды ни раньше и не секунды позже, а точно тогда, когда раздастся команда «Пли!», нужно немедленно упасть и постараться попасть под убитых. И сам Идлек, и двое его сыновей сумели ловко притвориться убитыми и так смирно лежали, что уцелели и при добивании. Ночью, когда опасность миновала, они благополучно выбрались из-под трупов и скрылись все трое вместе во ржи. Убитые горем утраты близких, потрясенные ужасом зверских

убийств, они не могли уснуть ночью, тихо плакали и дрожали, согревая друг друга телами. Идлеку не верилось, что фашистский режим установился надолго, он думал, что скоро вернется советская армия, освободит его и вернет в собственный дом, поэтому он не ушел далеко, не увел сыновей в безопасное место, а сидел вместе с ними на том самом поле, на котором произошел расстрел. Когда пригрело солнышко, утомленные мальчики уснули, задремал рядом с ними и отец.

Пробудился он первым, услышав шорох лопат, приглушенные голоса мужиков. И решил Идлек, что добрые люди, погоревав о случившемся, решили предать земле тела убиенных, что в селе возможно опять установилась советская власть, о чем можно будет спросить у этих людей. Поэтому Идлек высунул голову из ржи, дабы рассмотреть, что там делается.

Увидев его, мародеры мигом сообразили, что имеют перед собой живого свидетеля их преступления. С криками: «Жид! Жид!» они бросились вдогонку за Идлеком, забыв даже об оставленном возле ямы узлах с награбленным добром. Всполошенные криками пробудившиеся мальчики бросились убегать, но силы были неравные: в несколько прыжков четверо здоровенных детин настигли отца с сыновьями поодиночке и, как пойманных зверей, потащили к яме. Если бы несчастные знали, что с ними сделают, они, может быть, сопротивлялись бы, упирались, но перед ними были как будто люди, даже знакомые им люди. Разве можно было бы предположить, на что эти люди способны.

За неимением оружия для квалифицированного убийства, мужики сбросили отца и двух мальчиков на дно ямы, а затем дружно, как бревнами, стали забрасывать их трупами, стараясь так заложить их, чтобы они ни в коем случае не выбрались бы оттуда. Забросав доверху яму трупами, могильщики насыпали сверху холмиком вырытую землю, придавили, утоптали сверху…

А снизу, из-под горы трупов и земли доносились жалобные крики обезумевших от ужаса детей. Молодые, сильные организмы не хотели расставаться с жизнью. Между трупами кое-где были промежутки с воздухом и погребенные заживо с жадностью поглощали его, продолжая неистово бороться за жизнь. Соединенными усилиями они расталкивали трупы, стараясь освободить для себя место, просовывали руки между телами убитых вверх, стараясь отбросить в сторону какое-нибудь тело, но только перебрасывали отдельные конечности.

Увидев ужасную картину охоты на беззащитных людей и погребения их заживо, не слишком храбрые парни из компании Семки Бордияна поспешили уйти подальше от этого страшного места. Сколько ни бились, как ни старались выбраться отец с сыновьями из ямы, воздух кончился, дыхательные пути забило землей, силы иссякли, и слабые жалобные звуки постепенно затихли, перестала ходить ходуном братская могила…

Все смолкло, умерло, успокоилось навеки……

11. Мария Воскобойник (с. Ружница – жертва мародёра)

Мария крепко спала себе дома, утомленная трудами и тревогами прошедшего дня. Вторая половина ее обширного дома была недавно отдана под квартиру приезжим советским служащим. Квартиранты спешно уехали, оставив свое имущество на попечение хозяев. И вот сейчас глухой ночью хозяйка слышит сквозь сон, как кто-то будто ходит и что-то делает в той половине. Рядом с ней спит ее муж Митька с перебитым носом, на лавке прилегли старшая дочь, уже девушка-невеста Вера, а на печи разметались от жары двое подростков Оля и Ванюшка.

– Митя, встань кто-то ходит в той хате, – будит мужа Мария.

– Ходит, и пусть себе ходит. Я из-за чужих тряпок не стану подставлять свою голову, – категорично заявил муж и тотчас же захрапел, уткнувшись п подушку.

Но Марии не терпится: в горнице есть не только чужие, но и ее вещи, а кому-кому, как ни ей знать цену этим вещам. Выросшая в бедности, она тяжелым крестьянским трудом добывала средства себе на приданое и даже поступилась молодыми чувствами, выйдя за этого безобразного недомерка, потому что у него дом и поле. С какой стати теперь кто-то возьмет то, что создано ее трудом? Здоровенная баба ростом выше среднего мужика, Мария появилась на пороге своей горницы, где при свете тусклой свечи орудовал один из дальних соседей – Гаврило Ч.

– Мэй, Гаврило, ты шо тут робишь в мои хати

– А ну марш вице, а то як дам! – И Гаврило занес над головой женщины железный ломик, с помощью которого он уже успел разворотить окно и проникнуть в помещение. Мария вскрикнула, отступила в сенцы, на крик ее муж отозвался и приказал немедленно возвращаться в избу, а Гаврило запер дверь горницы изнутри и пригрозил убить женщину, если она еще раз сунется к нему. Так и пришлось Марии вернуться в свою постель, а Гаврило до самого утра переносил к себе содержимое ее горницы.

12. Михалашаны (расстрел коммунистов)

Заняли фашисты и Михалашаны, собрали в церковной ограде арестованных активистов-коммунистов, в числе которых был и некто Шарагов. Сбежались сюда же и местные богатеи, которым теперь не грозила никакая опасность. Они сами стали громко требовать расстрела арестованных. Но румынский офицер оказался осторожным и осмотрительным человеком – не спешил расправляться с людьми. В ответ на настоятельные требования кулаков он заявил:

– Граждане, расстрелять мне их не долго. Но мы сегодня идем туда, – и он показал на Восток, – но я не знаю, может быть, завтра пойдем назад, и тогда меня спросят, за что я расстрелял этих людей. Если вы настаиваете на расстреле, составьте документ, в котором изложите их вину, подпишитесь все под этим документом, и тогда я прикажу своим солдатам расстрелять.

Главным обвинением, предъявленным этим людям, было то, что это большевики, коммунисты – этого считалось достаточно для того, чтобы их расстрелять. Пока шел спор и решалась судьба активистов, вокруг них собралась довольно большая толпа любопытных. Это были если не кулаки и ярые враги советской власти, то люди средненькие с обывательскими взглядами на жизнь: ты меня не тронешь, и я тебя не трону. Они не вмешивались ни в какие общественные дела и теперь считали себя в полной безопасности. Остальные жители сидели по домам. И вот составили документ, под которым необходимо подписаться. Офицеру нужно, чтобы было как можно больше подписей. Смело подходят к столу богатеи и властно поглядывают на окружающих. Дело принимает серьезный оборот – лучше было бы сидеть дома, а уйти сейчас как-то неудобно, да и опасно. Заметят уклоняющегося от подписи, тут же могут схватить и обвинить в сочувствии большевикам и поставить рядом с этими обвиняемыми. Нет, сельский обыватель этого не хочет, он лучше предаст лучших людей села, чем самому подвергнуться опасности. Подходили к столу, подписывались под смертным приговором этих людей. Удовлетворенный этим, офицер со спокойной совестью расстрелял каждого активиста в огороде собственного дома. Там же приказал и зарыть их, не носить на кладбище.

13. Марфа (с. Голяны – судьба беженки)

Расхрабрился подвыпивший дядька Михайло: «Ну и что ж, что немцы? С немцами у нас мир. Они такие же люди, как и мы, и нечего их бояться. А если и вправду в гости пожаловали, не погнушались, то мы сумеем их принять, в грязь лицом не ударим».

И, затянув полюбившуюся ему новую песню, дядька Михайло неверной походкой направился к калитке. «За столом никто у нас не лишний…» – слова этой песни до глубины души трогали черствое сердце крестьянина. Он всю жизнь мечтал о том времени, когда будет такой достаток, что каждый день он смог бы принимать гостей. Добрый по натуре дядька Михайло готов был накормить всех голодных, всех нуждающихся; не прочь был и прихвастнуть этим перед людьми. Но эта песня была последней для дядьки Михайло, последней песней, которая прозвучала над этой деревней. Вихрем пронеслась по дороге группа

мотоциклистов, поливая по обе стороны автоматным огнем. Только те, кто были подальше от дороги, и те, что успели сообразить, в чем дело, постарались спрятаться за какую-нибудь преграду, остались живы. Мешком свалился у калитки дядька Михайло, не успев даже сообразить, что происходит. На лице его так и застыла добрая улыбка.

Марфа была трезвее других, услышав крики о немцах, она моментально сообразила в чем дело и, схватив ребенка, побежала за хату. Там, прислонив его к стене, закрыла своим телом. Оставшиеся в живых люди в панике бежали прочь из деревни в поле, в лес, а следом за ними неслись преследователи на мотоциклах и косили беглецов, как траву.

Многие побежали к ржаному полю и скрылись за густой стеной хлебов. Там оказалась и Марфа с сынишкой. Зажав ребенку рот, она приказала ему не издавать ни звука и не шевелиться. Немцы оцепили поле со всех сторон, ходят, наблюдают. Если заметили, что где-то шевелятся колосья, посылают туда автоматные очереди, после чего уже не будет никаких шевелений. Женщина знала, что хлебное растение при самом малом движении раскачивается так, что будет сразу заметно. Уложив ребенка прямо на землю, Марфа припала ухом к земле и слушает: далеко ли шаги. Перепуганный происходящим и строгим предупреждением матери, мальчонка повиновался и замер. Кругом стало тихо, рядом успокаивающие руки матери…

И он впервые за всю свою недолгую жизнь уснул прямо на земле. Забыв о смертельной опасности, наивно недооценив ее, семилетний ребенок заснул среди поля, прямо на теплой земле. Мать, понимая, что только и может спасти их обоих, положила свои руки на сынишку, чтобы удержать его от невольного движения во сне. Солнце печет, хочется пить, застыли в неудобном положении конечности, но это ничто по сравнению с тем, что случилось через час.

Чувствует женщина, что в ухо к ней ползет какое-то насекомое, а пошевелиться не смеет. Влезло насекомое в ухо и грызет, кусает живое тело. Нет никакого терпения. Если даже и начнешь трясти головой, лезть пальцами в ухо, и то не поможет; насекомое пытается прогрызть себе второе отверстие в голове. Как избавиться от этого мучения? Марфа знает, что насекомое из уха можно только вытопить. Но где взять воды? – Нет воды. А какая влага может ее заменить теперь? Женщина догадалась: помочилась осторожно в руку, налила в ухо вонючей жидкости. Нестерпимо защипало покусанное место, зато насекомое всплыло наружу и исчезло. Так до самой ночи просидела женщина во ржи, пока не удалились фашисты.

Ночью беглецы перебрались в лес, осторожно перекликаясь. Разыскали своих, собрались в небольшую группу, передневали, вспомнив о пище не скоро. На следующую ночь более смелые, в их числе и Марфа, пробрались к своим

жилищам, чтобы взять еды и самое необходимое. Фашисты расположились в крестьянских домах, как хозяева. Пробирались в село только те, чьи жилища чем-то не понравились завоевателям и оказались пустыми.

Ни вспомнить, ни передать невозможно то, что пережила бездомная женщина с ребенком на занятой врагом территории. Родные и близкие делились с нею тем, что имели, а она все отдавала мальчику. Но скоро и у тех, кто делился, было отнято последнее.

Долго скиталась Марфа с сыночком по дорогам и лесам, пока не встретила партизан. В отряде для нее нашлось дело: варить пищу, стирать и прибирать жилище. Сыскалось занятие и для парнишки: маленький, неприметный, он мог подойти к любому объекту и принести в отряд ценные сведения.

14. Каменецкий М.П. (с. Деньжаны – судьба молодого еврея)

Марк Павлович преподавал в Деньжанах немецкий язык. Учебный год окончен, осталось сдать отчет, получить отпускные и отправиться на лето к родителям в Дондюшаны. Но с отчетом спешить было некуда – другие предметы задерживали, работы в школе было мало, и у Марка Павловича летний отпуск уже фактически начался. Жил он на частной квартире и питался у хозяев. Это было обоюдно выгодно. У зажиточных хозяев были все продукты, которые трудновато носить на базар в Окницу, а пищу готовить себе им все равно приходится, так что лишний рот им был совершенно не в тягость, зато в конце месяца они в качестве вознаграждения за заботу об учителе получали кругленькую сумму. Относились хозяин с хозяйкой к Марку Павловичу хорошо, даже слишком, как-то заискивающе предупредительно, что немного смущало молодого человека.

В то утро Марк встал не слишком рано, умылся, собрался, немного подождал, не позовут ли хозяева его завтракать, что они всегда делали аккуратно, в одно и то же время. Не дождавшись, он вышел во двор и громко пожелал хозяевам доброго утра, на что не получил никакого ответа. Хозяева, казалось, не слышали и не замечали его, усердно занимаясь своим делом. Прекрасное настроение молодого человека тут же упало. Но усилием воли он одернул себя за чрезмерную чувствительность и, решив, что хозяевам не до него, что они по какой-то причине не в духе, направился в школу без завтрака, на ходу занимаясь самокритикой. Выходит, что ему нравилась лесть и предупредительность хозяев, а когда он им надоел, и хозяева, занятые работой, не заметили его, ему стало обидно. В сущности, это все – мелочи жизни; не стоит обращать внимания.

В школе директор принял отчет и посоветовал Марку Павловичу съездить домой, потому что деньги будут не раньше, чем через недельку. В школе молодому учителю делать нечего, а дома он нужен в тревожное время первых дней войны. Следуя совету директора, Марк Павлович решил, не заходя на квартиру, купить молока и хлеба у знакомой женщины, которая охотно снабжала его до того, как он перешёл на хозяйский стол. С таким намерением Марк Павлович направился по пути к станции во двор своей знакомой молочницы. Хозяйка эта тоже оказалась дома. На приветствие учителя она ответила вопросом, что ему угодно. Марк Павлович изложил ей свою короткую просьбу: продать пол-литра молока и краюху хлеба, так как он спешит к поезду.

Молочница посмотрела на молодого учителя такими глазами, взгляд которых трудно объяснить. Марк Павлович никогда не видел таких страшных глаз. Если бы он неожиданно предложил этой женщине раздеться перед ним, глаза ее были бы не так ужасны. Глядя на него, как на существо, недостойное не только пить молоко и есть хлеб, а видеть солнце, дышать воздухом, она только спросила: «Вам молоко?» Но так спросила, что Марку стало не по себе. Опустив голову, он молча вышел со двора молочницы и направился к станции Гринауцы, на ходу соображая, в чем он может быть виноват перед этой женщиной и другими. Или в мире произошло нечто более серьезное, чем его скромная весна?

Прямиком отправился на станцию, где вскоре должен проходить поезд в сторону Дондюшан. Станция Гринауцы представляет собой небольшой полустанок, где не все поезда останавливаются, а некоторые просто замедляют ход. Марк Павлович, выйдя в открытое поле, заметил дым паровоза со стороны Дондюшан, а с разных сторон через поле, по бездорожью, прямо по посевам к полустанку бежали люди. Пробегая мимо Марка Павловича, кто-то крикнул: «Скорей, скорей, не успеешь!».

Заразившись всеобщей спешкой, Марк Павлович тоже ускорил шаг, хотя и знал, что пока этот поезд не дойдет до Окницы, оттуда все равно не выйдет встречный, идущий в нужном ему направлении. К полустанку подходил поезд, перегруженный людьми. Люди сидели на буферах, висели на подножках, некоторые взобрались на крыши вагонов, но поезд остановился и подобрал всех бегущих через поле людей, подождал даже тех, кто был далеко. За это время Марк Павлович тоже дошел до станции, но садиться в поезд не собирался – он подождет встречного. Когда поезд тронулся, с вагонов послышались удивленные голоса:

– Что же ты не садишься? Скорей, а то отстанешь! Али не понимаешь, что это последний поезд? – Люди протягивали ему руки и смотрели на него такими братски добродушными глазами, что Марк Павлович не захотел отказаться от протянутых рук и ловко вспрыгнул на подножку ускоряющего бег вагона, решив про себя, что в Окнице не поздно будет сесть на встречный поезд.

– Последний поезд и последний пассажир, – проговорил кто-то рядом с Марком.

– Да он вроде бы и не спешил к этому поезду, – отозвался другой голос.

– Ну да, – подтвердил Марк Павлович, – мне нужно не на этот поезд, а в Дондюшаны.

– Ну, брат, в твоих Дондюшанах уже немцы хозяйничают.

– Как же так? Ведь у меня там родители!

– Живы будут – не помрут, – задумчиво, с какой-то грустью в голосе ответил ему пожилой мужчина и тихо, проникновенно добавил, – А ты им там все равно теперь уж не помощник. Не защитник. Разве только погибнуть вместе.

Во всем тамбуре, битком набитом разными людьми, в большинстве своем с некрасивыми лицами, стало тихо. Одни колеса стучат внизу, словно предупреждая только что высказанные мысли. И Марк Павлович почувствовал, как эти люди сочувствуют ему. Нет, не зря он сел в этот поезд: сквозь фронт к родителям ему не пробиться, а оставаться с такими людьми, как квартирные хозяева и молочница, то слишком любезные, то лютые враги – страшнее смерти.

Нагрузившись до отказа, даже через край, поезд потащился на Атаки, к Могилев-Подольску и дальше по Украине. Вскоре за ним увязался фашистский самолет. Машинист маневрировал скоростью: то ускорял ход, то замедлял и этим добился того, что сброшенные первые бомбы не попали в цель. Самолет улетел, но вскоре появился вновь. Стремительное движение, грохот вагонов, постоянные толчки при торможении, оглушительные взрывы авиабомбы. Марк чувствует, что его куда-то в сторону несет – удар по голове – и все исчезло.

Очнулся он не скоро, поезд по-прежнему куда-то стремительно мчался, точно так, как и тогда стучали колеса на стыках рельсов, но окружающая обстановка была совершенно другая: белая постель, белые занавески на окнах, белое белье, белые повязки на головах, руках и ногах совершенно незнакомых соседей, ни одного знакомого лица, слышится непривычная уху русская речь. Хочется пить. Марк Павлович пошевелился, и это причинило ему такую боль, что он невольно застонал.

Ту же над ним склонилось приветливое грубоватое лицо женщины в белом. Она обрадовалась тому, что этот человек пришел в себя и спросила, не нужно ли ему чего. Марк Павлович попросил воды. Женщина бережно приподняла его закутанную голову и поднесла к его рту алюминиевую кружку с холодной водой. Марк Павлович жадно глотал освежающую влагу, собираясь с мыслями. Все было для него неожиданно: и появление его неизвестным образом в санитарном поезде, даты и месяц этого дня (был уже июль), и местность, по которой они сейчас

проезжали. Раненные красноармейцы называли проезжаемые незнакомые станции, рассказывали о своей родине, поинтересовались откуда родом их тяжелый сосед, догадавшись по имени и акценту, что он еврей, тепло сочувствовали ему, рассказывая о зверствах фашистов по отношению к еврейскому населению. Марк Павлович много думал, беспокоясь о своих пожилых родителях, но то, что произошло с ними, было непостижимо его сознанию.

Большую группу евреев, в числе которых были родители Марка Павловича, гнали по жаре в неизвестном им направлении. Конвоиры злобно насмехались над беззащитными людьми. Внимание конвоиров привлекла картинно-красивая черная с серебристой проседью борода Павла Каменецкого, отца Марка Павловича. Утомленный старик стал отставать от колонны. Тогда конвоиры привязали его за бороду к подводе с награбленным у этих же людей имуществом. Сколько времени бежал старик за подводой? Что стало с ним, когда он, выбившись из сил, свалился? Долго ли он мучился, тащимый лошадьми за бороду? Никто уже не знает, не осталось живых свидетелей этой картины

Долго лежал Марк Павлович в военном госпитале, потом в городской больнице Барнаула и вышел оттуда инвалидом. Раны на голове и ногах заживали, но кости поправиться не смогли. Хромал Марк Павлович на обе ноги, а правую как-то странно относило в сторону. В чужом, далеком от родины городе без теплой одежды и денег Марк Павлович все же не пропал. Незнакомые люди проявили живое участие в его судьбе. При выписке из больницы Марку Павловичу выдали казенные вещи: фуфайку, ватные брюки, белье и обувь, устроили его на работу и на квартиру.

Привык Марк Павлович к лишениям, которые переносил вместе со всеми окружающими, работал и учился, упорно занимался изучением языков: русского, английского и немецкого. Интеллигент по натуре, а тем более в положении инвалида, он мог заниматься только умственным трудом, а значит, непременно нужно было ликвидировать пробелы, связанные с тем, что он учился в румынской школе, и стать таким же грамотным как те, кто окончил советскую школу.

О родителях Марк Павлович узнал только после войны, побывав в их доме, где жили уже чужие люди. А в последний год войны Марку улыбнулось настоящее счастье. Он познакомился с хорошей девушкой-сибирячкой Клавой – тоже сиротой. И создали они вместе прочную дружную советскую семью. Это несколько смягчило тяжелое известие о гибели родителей.

Содержание

1. Семья Арехта (с. Голяны-начало войны)
2. Мариора (с. Русяны - конвой с евреями)
3. Гуранда (с. Голяны – конвой с евреями)
4. Семья Купчинских (с. Ружница - конвой с евреями)
5. Москалюк С.А. (с. Ружница)
6. Яворский Я.С. (Окница - расстрел евреев)
7. Ткач В.А. (с. Ружница - судьба еврейской семьи)
8. Рива (с. Ружница-судьба еврейской девочки)
9. Аня Шатурская (с. Барладяны -свидетель расстрела евреев)
10. Семка Бордиян (с. Барладяны - свидетель расстрела евреев)
11. Мария Воскобойник (с. Ружница)
12. Расстрел коммунистов (с.Михалашаны)
13. Марфа (с. Голяны - судьба беженки)
14. Каменецкий М.П. (с. Деньжаны - судьба молодого еврея)

Вместо эпилога

На месте расстрелов евреев у села Барладяны (48.272386, 27.375504) установлен «Памятный знак» – на табличке написано: «Братская могила». Указан год – 1941.

Фото 2022 г.